

Родная старина

Книга 4 Отечественная история
XVII столетия

Родная старина

Отечественная история
в рассказах и картинах

Книга 4

Составил В.Д. Сиповский

УДК 087.5:94(47)''16''
ББК 63.3(2)
Р60

Родная старина

Отечественная история в рассказах и картинах

Книга 4

Составил В.Д. Сиповский

Издательство «Белый город»

Генеральный директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Т. Кислицына
Дизайн, верстка: О. Кравчук
Корректор Л. Михайлова

ISBN 5-7793-1352-0

Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 916-5595, 780-3911, 780-3912, 688-7536, (812) 766-3393
Факс: (495) 916-5595, (812) 766-5806

По вопросам приобретения книг по издательским ценам обращайтесь по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а, корп. 10, стр. 2

Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12

111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2

Тел. (495) 916-55-95

E-mail: belygorod@mail.ru

Сайт издательства: www.belygorod.ru

Дата подписания в печать 20.09.2007. Гарнитура NewBaskervilleС. Печать офсет
Формат 84 x 108 1/16. Тираж 7 000 экз. Заказ № 0730190.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Истерзанная и обнищавшая Русь благополучно выходит из Смутной поры, вынеся из нее свою веру и народность в их целостности. Сложнее положение в западнолитовской Руси. Еще долго придется ей биться за сохранение своей Православной церкви и народа. На защиту Православия против Речи Посполитой встает запорожское казачество. Южная Русь наконец соединяется с единой и единокровной Москвой. Однако идет новое испытание – раскол в самой Русской церкви. И из него, несмотря на многие беды, выходит она целостной и неповрежденной. Обо всем этом читайте в четвертой книге «Родная старина».

Текст печатается по книге

«Родная старина: Отечественная история
в рассказах и картинах (С XVI до XVII ст.)»

Составил В.Д. Сиповский (СПб., 1904)

в соответствии с грамматическими нормами
современного русского языка

ОГЛАВЛЕНИЕ

Царствование Алексея Михайловича

6

Смуты в начале царствования. Соборное уложение и судебное дело. Присоединение Малороссии. Богдан Хмельницкий. Восстание на Украине. Борьба Польши с казаками. Вторая война Хмельницкого с Польшей. Переяславская рада. Малороссия. Война с Польшей и Швецией. Смерть Хмельницкого и смуты в Малороссии. Денежные затруднения и смуты в Москве. Царь Алексей Михайлович. Возвышение Никона. Патриаршество Никона. Исправление богослужбных книг и обрядов. Разлад между царем и Никоном. Суд над Никоном. Борьба с расколом. Восстание Разина. Новые люди в Москве. Ордин-Нащокин и Матвеев. Последние годы царствования Алексея Михайловича

Царствование Федора Алексеевича

174

Придворные дела и падение А.С. Матвеева. Внешние события. Уничтожение местничества. Церковные дела и просвещение

Состояние Русской земли к исходу XVII столетия

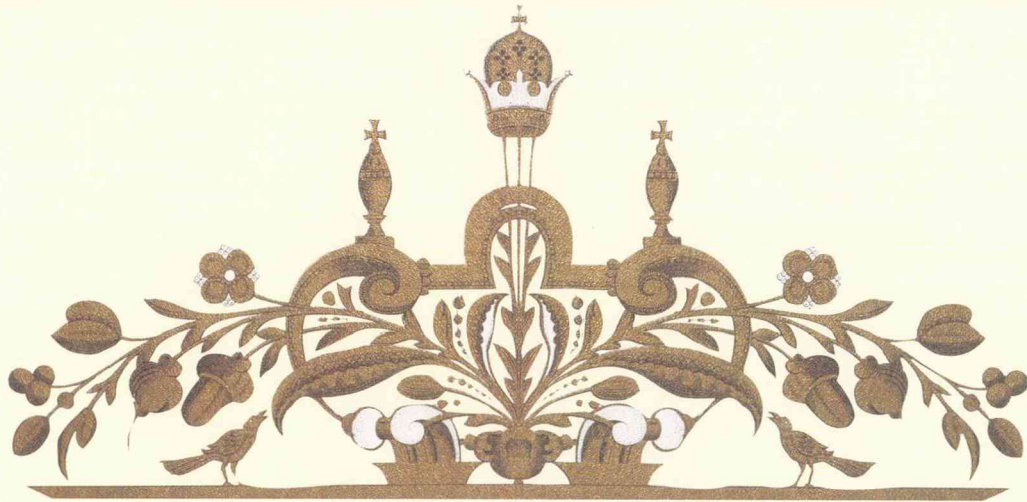
192

Страна, деревни, села и города. Москва. Состав населения и государственный строй. Войско. Государственные доходы, промышленность и торговля. Домашний быт (Жилище. Внутреннее убранство его. Утварь. Одежда. Пища). Распорядок повседневной жизни (Дневные занятия. Выезды. Прием гостей. Пиршества и братчины). Семейный быт (Взгляд на женщину. Жена. Положение женщины. Семейные обычаи: родины и крестины, именины, сватовство и свадьба, новоселье, похороны). Состояние образованности (Народная поэзия. Книжная словесность. Обучение грамоте. Искусства. Умственное развитие). Удовольствия и развлечения (Взгляд на удовольствия. Скоморохи. Кулачные бои. Корыстные игры: зернь, тавлеи, карты и прочее). Табак. Качели и прочее

Заключение

334

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

*Смуты в начале царствования. Соборное уложение и судебное дело.
Присоединение Малороссии. Богдан Хмельницкий. Восстание на Украине.
Борьба Польши с казаками. Вторая война Хмельницкого с Польшей.
Переяславская рада. Малороссия. Война с Польшей и Швецией.
Смерть Хмельницкого и смуты в Малороссии. Денежные затруднения
и смуты в Москве. Царь Алексей Михайлович. Возвышение Никона.
Патриаршество Никона. Исправление богослужебных книг и обрядов.
Разлад между царем и Никоном. Суд над Никоном. Борьба с расколом.
Восстание Разина. Новые люди в Москве.
Ордин-Нащокин и Матвеев.
Последние годы царствования Алексея Михайловича*

СМУТЫ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ

Только шестнадцать лет было Алексею, когда он вступил на престол (12 июня 1645 года). Молодой царь напоминал отца добротой, мягкостью, отличался сердечностью, живостью ума, сильно привязывался к близким людям. Алексей по своему воспитанию был подготовлен к царскому делу, конечно, лучше отца, но, к несчастью, вступая на престол, он был еще слишком молод и потому не мог быть

самостоятельным. Самым близким к нему сановником был его воспитатель, боярин Борис Иванович Морозов, состоявший при нем тринадцать лет безотлучно. Царь был к нему сердечно привязан, и Морозов в первые годы царствования Алексея был главным правителем государства. К сожалению, этот боярин, умный, понимавший нужды государства, не столько думал о благе его, сколько о своих личных выгодах. Это вызвало немало бед.

Тотчас по вступлении Алексея на престол было сделано несколько разумных распоряжений: королевич Вольдемар

был отпущен с честью в Данию; освобожден и отпущен в Польшу Луба; велено было воеводам идти на Азов и таким образом нанести удар крымцам, которые снова стали делать нападения на московскую Украину, — раньше русские ограничивались только обороной границ, а теперь переходили к наступательной войне; уже начаты были и переговоры с Польшей о союзе против крымцев и турок, и польский посол, русский родом и православный, громогласно прославлял в цветистой речи союз России с Польшей, которые, «как два кедра ливанские, созданы десницей Господа от единой крови славянской и от единого языка славянского народа».

Дела внешние, таким образом, шли недурно; но нельзя сказать того же о внут-

ренней жизни, о положении народа. Он страдал под тяжестью налогов, а тут, как нарочно, обрушились еще другие несчастья на Русскую землю: неурожай и падеж скота. Купечество было бедно; всем беднякам жилось плохо; терпел народ и от дурного правосудия.

В 1647 году царь задумал жениться. По-прежнему собрали на смотр в Москву до двухсот девиц. Царь выбрал Евфимию Всеволожскую; но когда стали ее облачать в царскую одежду, то нарочно так крепко затянули ей волосы, что ей сделалось пред царем дурно.

Г. Седов

Выбор невесты

Алексеем Михайловичем

К. Маковский
*Выбор невесты царем
Алексеем Михайловичем*

Простой обморок признали припадком падучей болезнью. Вместо великой чести, которая ожидала Всеволожских, всю семью их постигла царская опала: они были обвинены в том, что скрыли болезнь

царской невесты, и сосланы в Тюмень.

Царь после этого несколько времени сильно тосковал по своей невесте. Морозов всячески старался отвлечь его – устраивал охоты на медведей и волков. Через некоторое время Морозов дал возможность царю увидеть в Успенском соборе дочерей Милославского, которых уже раньше он расхваливал Алексею. Царю приглянулась одна из них – Мария Ильинична. В январе 1648 года отпраздновали царскую свадьбу, а через десять дней Морозов, несмотря на свои преклонные годы, женился на другой дочери Милославского и таким образом породнился с царским домом.

После этого Морозов стал оказывать особое покровительство Милославским и родичам их – давал им видные должности. Родственники Ильи Даниловича Милославского, по большей части люди бедные, получая выгодные места, выказали большую жадность: только и думали о наживе, творили всякие неправды и насилия, надеясь, что им все сойдет с рук.

Особенно опозорил себя лихоимством Леонтий Плещеев. Он заведовал земским двором, или приказом, в его руках было судебное дело, и он самым бессовестным образом обирал всех приходивших к нему судиться – как истцов, так и ответчиков. Мало того, говорят, он завел шайку доносчиков, которые возводили разные ложные обвинения на людей, особенно на богатых. Их хватали и сажали в заключение, томили в тюрьмах и вымогали у них и их родичей большие взятки за освобождение.

Другой сановник – шурин Плещеева Петр Траханиотов, под ведением которого был пушкарский приказ, стрельцы, оружейники, полицейские чины, – обра-

М. Нестеров

Первая встреча царя Алексея Михайловича с боярышней Марией Ильиничной Милославской

щался крайне жестоко с подчиненными, удерживал себе часть их жалованья.

Так поступали люди, занимавшие видные должности; мелкие чиновники, конечно, не отставали от своих начальников в злоупотреблениях. Все неправды и насилия тяжким гнетом ложились особенно на низших, на бедных, на народ.

Сверх того, разные неудачные меры, которые тогда пускались в дело для увеличения скудной казны, тоже возбуждали большое неудовольствие в народе. Торговля в это время стеснялась всевозможными пошлинами, а иноземцы-купцы, пользуясь всякими льготами, злоупотребляли ими, отбивали торговлю у русских торговцев, и те постоянно жаловались, что им невмочь соперничать с иностранцами.

«Немцы не только от нас, – жалуются они, – промыслы отбили, но и все Московское государство оголодали: покупают в Москве и других городах мясо и всякий харч и хлеб и вывозят в свою землю».

Пошлина на соль, которой правительство хотело заменить разные мелкие

Неизвестный художник
Портрет царя Алексея Михайловича

поборы, принесла больше вреда, чем пользы. Соль вздорожала, и рыбный промысел упал. Соленая рыба потреблялась русским народом в огромном количестве, гораздо большем, чем говядина; объясняется это соблюдением многих постов и любовью русских к рыбным кушаньям. Теперь же рыбные промышленники уменьшили свой промысел, стали недосаливать рыбу, и она портилась. Соленая рыба страшно поднялась в цене, и сбыт ее сильно уменьшился: потребители не в силах были покупать дорогосто-

ящую рыбу; пришлось им испытывать лишения; торговцы терпели большие убытки. Недовольство было общее. Возбуждала также недовольство православного люда, крепко державшегося заветной старины и боявшегося всякого новшества, продажа табака, которая была собственностью правительства. Прежде, при Михаиле Федоровиче, резали носы за употребление этой «богомерзкой травы», а теперь само правительство торгует ею: в этом видели явную склонность боярина Морозова к иноземным обычаям.

Для того чтобы увеличить доходы правительства, прибегали к разным налогам. Вздумали, например, продавать от казны аршины с клеймом орла. Все торговцы обязаны были покупать эти аршины и платить в десять раз дороже, чем за обыкновенные. Если же какого-нибудь купца ловили с неклеямым аршином, то брали с него огромный штраф.

Подобные меры, стеснявшие население и порождавшие дороговизну, возбуждали недовольство в народе. Еще больше усиливалось оно от всевозможных притеснений, лихоимства и неправосудия должностных лиц.

Число недовольных все росло и росло. В Москве простой народ часто стал толпами собираться у церквей и толковать о том, как бы избавиться от бед и неправд. Не раз уже подавали царю жалобы и челобитные, но они попадали в руки бояр, окружавших царя, а те многое скрывали от него, и потому

просьбы не исполнялись. Народ сильно озлобился.

В 1648 году, 25 мая, когда государь возвращался от Троицы и ехал верхом, окруженный своими боярами, народ силой протиснулся к нему и остановил его коня. Огромная толпа окружила государя – умоляли его выслушать просьбу, жаловались на Плещеева, на его притеснения и неотступно просили отрешить его и на его место назначить честного человека, «иначе, – кричали в толпе, – народ вконец погибнет!»

Молодой царь был испуган шумной толпой и ее горькими жалобами; он приветливо обратился к народу, просил успокоиться, обещал разведать, в чем дело, и исполнить все справедливые просьбы.

Народ успокоился и благодарил царя. Все это кончилось бы, вероятно, мирно, но несколько бояр – друзей Плещеева, сопровождавших царя, – не сдержались, начали бранить народ, били некоторых кнутом по головам, иных даже сшибли с ног. Народ рассвирепел – в обидчиков полетели камни. Бояре обратились в бегство, кинулись в Кремль, во дворец. Разъяренная чернь бросилась за ними. Стрельцы, бывшие на страже у дворца, сдержали толпу; бежавшие бояре укрылись в царских покоях.

Расходившаяся чернь теперь уже не унималась: раздавались ярые крики, чтобы выдали Плещеева на расправу народную.

Боярин Морозов вышел на верхнее крыльцо и стал было от имени царя увещевать народ, но толпа зашумела, раздались угрозы:

«Мы и тебя хотим взять!»

Морозов поспешил удалиться.

Буйная толпа кинулась к его дому, выломала ворота и двери, расшибла, разломала и разграбила в доме все, что нашлось. Боярыне Морозовой никакой обиды не сделала, только пригрозили.

«Если бы ты не была сестрой царицы, – сказали ей, – мы изрубили бы тебя на мелкие части!»

Затем чернь бросилась на дома других нелюбимых сановников: одна толпа раз-

*Царица Мария Ильинична
Милославская, супруга царя
Алексея Михайловича Романова*

несла дом Плещеева, другая – дом Траханиотова; ограблены были дворы еще нескольких бояр. Досталось и думному дяку Чистову. На него злобились за соляную пошлину. Он в это время лежал больной. Заслышав шум и узнав, что толпа ломится к нему во двор, он спрятался под кучу веников; но его слуга, захватив господские деньги, выдал его, а сам бежал. Чистова заколотили палками до смерти.

Во время этого погрома велено было Кремль запереть и отдан был приказ немецким офицерам в полном вооружении немедленно явиться с отрядами своими для защиты дворца.

К мятежникам, которые снова кинулись к Кремлю с криками, чтобы выдали

Э. Лиснер *Соляной бунт*

им всех лиходеес, царь выслал своего двоюродного дядю Никиту Ивановича Романова, которого народ очень любил за доброту и справедливость. С непокрытой головой, держа в руках свою боярскую шапку, выехал Романов к бушующей черни и от имени царя обещал, что все злоупотребления сановников будут разведаны, а виновные наказаны, и уговаривал толпу успокоиться и разойтись.

Народ, выражая свою преданность царю, все-таки настойчиво требовал выдачи главных виновников общих бедствий: Морозова, Плещеева и Траханиотова, — настаивал, чтобы они на глазах всех были казнены. Романов клялся, что Морозова и Траханиотова в Кремле нет, что они бежали. Мятежники требовали, чтобы пока выдан был Плещеев. Боярин поскакал в Кремль, и скоро пришло известие оттуда, что Плещеева решено казнить пред народом.

Рассвирепевшая чернь не дала совершиться казни: когда палач вывел из Кремля Плещеева, толпа ринулась на него, исколотила палками, размозжила ему голову. Тело убитого поволокли на площадь. Траханиотова поймали посланные царем люди близ Троицкой лавры и привезли в Москву. На следующий день после гибели Плещеева палач по царскому приказу водил Траханиотова с колодкой на шее целый час по городу и затем отрубил ему голову.

Смерть Плещеева и казнь Траханиотова, по-видимому, несколько удовлетворили бушующую чернь: она криками благодарила царя, но выражала желание, чтобы казнь постигла и Морозова. Казалось, ему не миновать было беды. Но внезапно в одном конце Москвы вспыхнул пожар и стал быстро распространяться; наконец, загорелся большой кружечный двор, или кабак. Толпа накинулась на даровую водку; разбивали бочки, черпали водку шапками, сапогами. Многие перепились до смерти; некоторые погибли

в пожаре. Пожар отвлек внимание черни от мятежа. Правительство между тем несколько дней подряд старалось всякими мерами успокоить народ: в Кремле угощали стрельцов и служилых немцев вином и медом; царский тесть Милославский устраивал пиры и приглашал более влиятельных торговцев; священники по распоряжению патриарха увещевали народ успокоиться, обнадеживали его, что с этой поры дела пойдут лучше. Некоторые из должностных лиц, не любимые народом, были заменены другими, более угодными ему.

Когда наконец народное волнение улеглось, царь пожелал лично переговорить с народом. Об этом заранее было объявлено всем. В назначенное время государь вышел на площадь в сопровождении боярина Никиты Романова и обратился к собравшемуся народу с речью –

выразил прежде всего большое сожаление, что неведомо для него безбожные Плещеев и Траханиотов притесняли народ, за что и понесли заслуженную кару. Затем царь высказал надежду, что назначенные теперь богобоязливые мужи будут блюсти пользу и благо народное, о чем и сам он, государь, отныне будет иметь бдительное смотрение; обещал, что пошлина на соль будет отменена, а разные льготы народу будут умножены.

В ответ на это народ низко кланялся, благодарил царя и желал ему долголетия.

В заключение царь стал говорить о Морозове, просил, чтобы народ не требовал его казни, – ручался, что он будет

Б. Кустодиев
Возмущение слобод против бояр
(Бунт против бояр на старой Руси)

Кустодиев, Б.

оказывать всем только свою любовь и расположение, обещал отставить его от должности государственного советника, если он совсем не угоден народу, лишь бы только остался он, его воспитатель и второй отец, цел и невредим. «Сердце мое, – сказал царь в заключение, – не вынесет его смерти», – и затем выразил надежду, что народ от него, государя, не потребует такой тяжелой жертвы. При этом слезы показались на глазах царя и голос его прервался.

«Будь здоров на многие лета! – громко кричал тронутый народ в ответ царю. – Как Богу угодно и государю, пусть так и будет!»

Царь сердечно любил своего воспитателя и всеми силами старался оберечь его от всякого лиха. Морозова отправили в Кирилло-Белозерский монастырь. Туда царь послал наказ, чтобы его охраняли от всякой беды; даже собственноручно приписал, чтобы боярина берегли «от всякого дурна», грозил казнью за дурную охрану и сулил награду, если приказ будет

точно исполнен. «Я вас пожалуйю, – писал он, – так, что от зачала света такой милости не видали!»

Морозов недолго пробыл в Кирилло-Белозерском монастыре. По возвращении оттуда он уже не был больше главным правителем, но по-прежнему оставался очень близким лицом царю, помогал ему своим советом и, видимо, очень желал оправдать обещание царя народу – старался при всяком случае выказывать к нему любовь и расположение и помогал всякому, кто к нему обращался.

Московские мятежи отразились и в других городах. Воеводы и разные подьячие творили повсюду много зла народу – вдаль от Москвы, конечно, еще больше, чем здесь. Искать законной управы на лихоимцев и насильников было очень трудно для жителей городов, далеких от столицы, а слухи, что бояре за молодостью царя заправляют всем, как хотят, не доводят правды до него, поджигали недовольных к восстанию. Не на царя они поднимались, а на бояр-лиходеев, которые во зло употребляли государево доверие, управляя его именем.

Летом 1648 года вспыхнул мятеж в Сольвычегодске. Здесь при сборе податей творились вопиющие насилия и неправды – это и вызвало восстание. Затем возмутились устюжане, раздраженные взяточничеством подьячего, которому сильно покровительствовал воевода. Лихоимец был убит мятежниками. Эти восстания были скоро усмирены. Гораздо труднее было справиться в Пскове и Новгороде.

Из русских областей, отошедших к Швеции по Столбовскому договору, являлось много перебежчиков. Их по условию следовало выдавать шведскому правительству; но они были русские люди,

А. Рябушкин

Ожидают выхода царя

православные, желавшие сохранить свою народность, веру и жить в отечестве. Выдавать их лютеранскому правительству казалось царю делом зазорным. Со Швецией заключили новый договор: царь обязался заплатить большие деньги за перебежчиков. В счет этого выкупа решено было отпустить в Швецию хлеб из псковских житниц.

Из Москвы послан был в Псков купец с приказом купить 2000 четвертей хлеба для того, «чтобы цены приподнять, чтобы немцам сдать его по дорогой цене, какая будет на рынках». (По условию, шведы обязывались принять хлеб по рыночной цене.) В тот год был недород хлеба, и потому он был недешев; когда же московский купец скупил его в большом количестве, то цена его еще более возвысилась. На беду, скупщик хлеба задумал еще воспользоваться случаем к легкой наживе: стал и псковичам продавать хлеб по возвышенной цене. Среди них поднялся сильный ропот. Стали ходить слухи, что бояре-изменники держат сторону иноземцев, намерены вывезти казну шведской королеве и хлеб отправляют за рубеж, хотят «оголодить» Русское государство. На сходках у кабаков и на рынках наиболее смелые из народа стали кричать, что не надо пропускать хлеб за границу. Обратились с этим требованием даже к архиепископу. Воевода пригрозил «кликунам», как тогда звали главных коноводов народных сходок. Но угрозы не подействовали; на следующий день толпа, уже более многочисленная, кричала, что не надо вывозить хлеб. В это время крикнули:

«Немец едет! Везет казну из Москвы!»

В ту пору шведский агент в самом деле вез часть денег, уплаченных за перебежчиков. Толпа кинулась на него, отобрала у него деньги и бумаги, а самого посадила под стражу. Напали и на двор москов-

В.П. Верещагин
Самодержавец царь Алексей Михайлович

ского купца, скупившего хлеб. Мятежники не хотели и знать своего воеводу, выбрали свое особое правление из посадских и послали к царю челобитчиков с жалобами на насилия воеводы и его подчиненных.

Псковский мятеж отозвался и в Новгороде. 15 марта 1650 года прибыл в Новгород проездом датский посол. Один посадский кричал в толпе народа, что приехал немец, что он везет московские деньги к немцам; этот крикун возбуждал чернь и на богатых купцов, закупавших хлеб для казны. Народ заволновался; ударили в набат; началась «гиль», как называли тогда в Новгороде и Пскове народные движения. Толпа кинулась на несчастного, ни в чем не повинного посла, избива, даже искалечила его; затем напала на дворы новгородских богачей и разграбила их. Унять бунтовщиков у воеводы не было силы: стрельцы пристали к мятежу. Митрополит Новгородский Никон попытался пустить в дело духовное оружие: он в Софийском соборе торжественно проклял зачинщиков мятежа. Но это еще больше разозлило мятежников; они двинулись на митрополичий двор. Никон вышел к ним и стал уговаривать их, но мятежники избивали и его. Владыка, несмотря на

это, не потерял силы воли, по-прежнему корил мятежников, увещевал их образумиться, не гневить государя и выдать главных коноводов, как требовала царская грамота. Все было напрасно. Тогда только слова Никона подействовали, когда подошел к Новгороду боярин, князь Хованский, с военным отрядом. Наконец 20 апреля мятежники смирились и выдали главных зачинщиков. Поступили с ними очень милостиво: смертью казнен был только один, более других виновный в оскорблении датского посла. Никон, сам сильно пострадавший, хлопотал перед царем о прощении и снисхождении к мятежникам.

Псковичи волновались дольше новгородцев, не слушались никаких увещаний; порешили даже обороняться от Хованского. Псков продержался в осаде до половины августа.

В Москве 26 июля постановлено было на соборе еще раз испытать мирные средства против мятежного Пскова. Сюда прибыл Рафаил, коломенский епископ, с несколькими духовными лицами, а с ними – выборные люди из разных сословий. Они обещали мятежникам прощение, если те смирятся, и грозили царским гневом и карой, если будут упорствовать, – говорили, что сам царь поведет на них ратную силу. Увещания Рафаила и выборных людей подействовали: их устами говорила как бы вся Россия. Псковичи наконец покорились этому голосу, принесли повинную и выдали главных виновников мятежа; их казнили.

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ И СУДЕБНОЕ ДЕЛО

Волнения, мятежи, жалобы на несправедливое и лихоимство побудили царя и его советников подумать об улучшении судопроизводства и управления.

В 1649 году, 16 июня, царь на общей думе с патриархом, святителями, со своими боярами и другими думными людьми постановил собрать в одно целое все статьи

из апостольских правил, законов греческих царей, которые подходили к государевым и земским делам, а также указы прежних русских государей и боярские приговоры. А на какие случаи не было ни указов государя, ни боярских приговоров, то изложить общим советом, «чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна». Собрание всех статей и указов было поручено боярам-князьям: Одоевскому, Прозоровскому, окольниковичу князю Волконскому да дьякам Леонтьеву и Грибоедову.

В два с половиной месяца они исполнили возложенное на них дело. Собрание постановлений, или Уложение, было готово и 3 октября прочтено перед государем и его думой, а потом – перед собором выборных людей, нарочно для этого призванных в Москву из разных концов и из всех сословий.

Когда выслушали и одобрили Уложение, то подлинный свиток его длиной в 434 аршина был подписан членами собора и велено было переписать Уложение и с этого списка печатать книги и разослать по всем приказам и городам.

Составить так скоро Уложение могли потому, что по всем приказам были уже книги, куда заносились царские указы и боярские приговоры по времени выхода. Задача составителей была только выбрать все важнейшее и расположить в известном порядке по содержанию, а то крайне было трудно справляться: указы и приговоры были разбросаны в разных приказах, да и в каждом приказе накопилось много книг, в которых статьи были расположены не по содержанию, а по времени.

Уложение заключает в себе 25 глав, и каждая из них распадается на отдельные статьи. Тут находим уголовные законы, об оскорблениях, правила судопроизводства, полицейские уставы, законы о вотчинах, поместьях, крестьянах, холопах и прочее.

Уложение отличается от Судебника царя Ивана гораздо большей полнотой:

Н. Некрасов
Соборное уложение. 1649 год

Герб России

в Уложение включены законы, каких в судебниках не было. В первой статье говорится о богохульниках, которых постановлено казнить огнем: «Буде същется про то (богохульство) допряма, и того богохульника, обличив, казнити – сжечь». За бесчинство в церкви тоже полагается смерть: «А будет какой бесчинник, пришед в церковь Божию во время святой литургии и каким ни буди обычаем божественные литургии совершити не даст, и его, изымав и сыскав про него допряма, что он так учинил, казнити смертию без всякие пощады».

Хотя сожжение на деле уже употреблялось против богохульников и еретиков и в Новгороде и в Москве, но в законы до Уложения не вносилось: этим постановлением хотели предупредить, очевидно, появление ересей вроде жидовствующих и других.

Во второй главе говорится о государственной чести и как государево здоровье оберегать. Смертная казнь полагается злоумышленникам на жизнь государя, изменникам, бунтовщикам, а также и замышляющим завладеть государством и престолом. В этой же главе говорится об изветах в государственных преступлениях, тут устанавливается страшное «государево слово и дело». Доносивший о каком-либо злом умысле против государя или об измене заявлял, что за ним есть «государево дело и слово»; начинался розыск, «сыскивали всякими сыски», при этом обыкновенно пускалась в дело пытка. Плохо приходилось по Уложению и доносчику, если он не мог доказать справедливость своих слов: его подвергали тому наказанию, какое полагалось за преступление, в котором он винил другого. Но всякий, у кого только являлось подозрение в чем-либо злом умысле, кто слышал

если не о «деле», то о «слове», оскорбительном для государевой чести, должен был спешить донести – если кто-либо в этом предупредил его, то он мог понести кару за недонесение.

Вся эта глава, которой не было в прежних судебныхниках, конечно, была вызвана смутами во время самозванцев и междоусобиц, когда совершено было столько преступлений против верховной власти.

Страшно суровое наказание постигало делателей воровских (фальшивых) денег: им заливали горло расплавленным металлом.

Крестьяне Уложением еще более закрепощались, чем прежде: раньше помещику предоставлено было только в продолжение десяти лет отыскивать беглых крестьян, так что те из них, кому удавалось укрыться в течение этого срока, потом могли спокойно доживать свой век у другого помещика. Таким образом, была хоть какая-то возможность уйти от крайне жестокого и несправедливого господина. Теперь же по Уложению срок уничтожался, и помещик мог всегда отыскивать бежавших от него крестьян и водворять их на прежнее место.

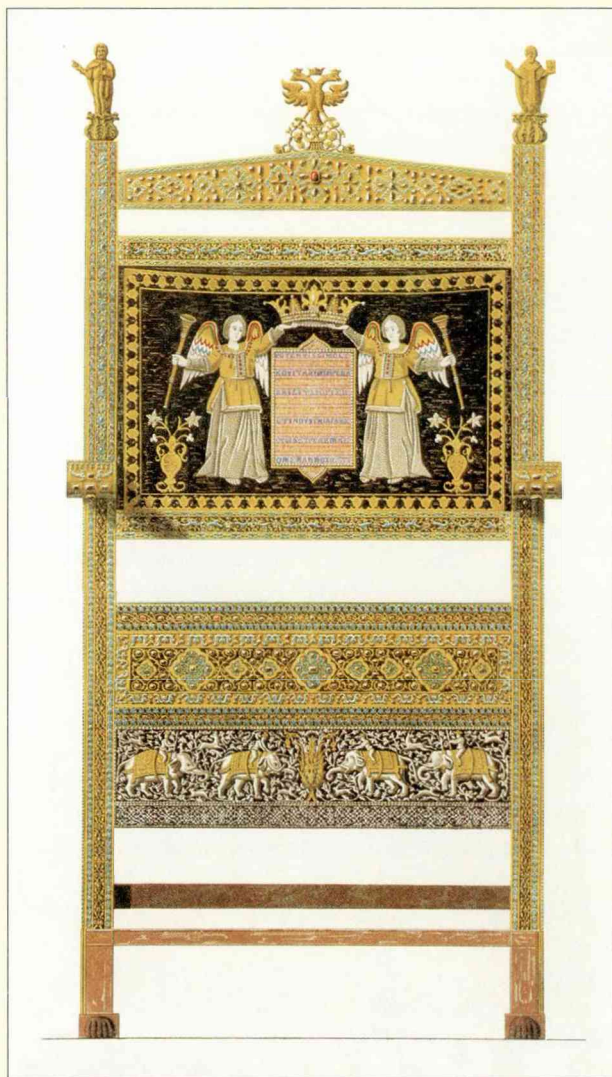
Суд в это время попал всецело в руки приказных. Губные старосты мало-помалу теряют значение. В городах вся судебная сила перешла к воеводам и дьякам, зависящим от московских приказов. Все, кому случалось вести сколько-нибудь важную тяжбу, должны были

ехать в Москву и тут в приказах искать управы; дело не обходилось без посулов разным подьячим. Дела обыкновенно сильно затягивались, и тяжущимся очень дорого обходилась эта «московская волокита».

Для судопроизводства требовалось, чтобы обвиняющий доказал свое обвинение; если же не было

Соборное уложение царя Алексея Михайловича

Ф. Солнцев
Кресло царя Алексея Михайловича

достаточных улик, то иногда предоставлялось решить присягой, причем спрашивали обвиняемого, хочет ли он «взять присягу на свою душу или отдать ее на душу обвинителя». По словам Олеария, на присягавших смотрели с презрением: их долго увещевали не присягать, а если это делалось, хотя бы и в правом деле, то присягавших на некоторое время как бы отлучали от церкви. Олеарий при этом говорит, будто в течение трех лет не позволяют им принимать святое причастие; а если по дознанию оказывалось, что

присяга дана ложно, то виновного секли кнутом, ссылали в заточение в Сибирь и позволяли причаститься лишь перед смертью.

Тот же писатель говорит о мучениях, каким подвергали подсудимых, чтобы вынудить у них признание. Пытка была в те времена и в Западной Европе. Наши предки чаще всего употребляли такую пытку: обвиненному скручивали руки за спину, привязывали к ним веревку и поднимали его к перекладине между двумя столбами, а к ногам привязывали тяжелый брус, на который вскакивал палач. После такой встряски руки несчастного пытаемого выворачивались в плечах и вытягивались, что причиняло невыносимую боль. Мало того, если пытаемый не признавался в вине, то под ногами его раскладывали огонь и несчастный терпел страшные мучения, причем еще задышался от дыма. Иногда обвиненным сбрасывали на голову волосы и на выбритое место капали холодной водой, что считалось очень мучительной пыткой. Некоторых, смотря по роду преступлений, били кнутом, жгли им тело раскаленным железом и прочим.

Этот дикий обычай – подвергать обвиненных пытке, – сильно распространенный и в других странах в те времена, указывает ясно на крайне суровые нравы. Считали тогда несправедливым осудить человека, если он сам не сознавался в том, в чем его винули, и, желая вымучить признание страшными истязаниями, нередко вынуждали людей ни в чем не повинных взводить на себя небывалые вины.

Убийц, умышленно убивших кого-либо, сажали в темницу на шесть недель, затем отсекали им головы. Обвиненного в воровстве подвергали пытке, чтобы узнать, не украл ли он еще чего-либо. Если оказывалось, что он впервые воровал, то его секли плетью на пути от Кремля до большой площади, где палач отрезал у него ухо, затем на два года сажали в тюрьму. Если вор попадался второй раз в краже, ему отсекали другое ухо, сажали в темницу, а затем ссылали в Сибирь.

Ужасное наказание присуждалось жене, убившей или отравившей своего мужа: ее живую закапывали в землю по шею и держали таким образом до смерти.

Неплатящих должников тоже постигала суровая кара: их, кто бы они ни были, сажали в долговую тюрьму (яму) и ежедневно выводили на площадь перед приказом и там целый час били по голеним гибкими прутьями толщиной в палец (батогами). Такого рода наказание называлось «ставить на правез». Случалось, что наказывающие, получив взятку, били слегка или делали только вид, что бьют; а иногда подвергавшиеся наказанию клали в сапоги или толстые куски шерсти, или деревянные лубки, по которым и приходились удары прутьев. Если должник решительно не мог уплатить долг и никто его не выручал из беды, он должен был идти в кабалу к заимодавцу и служить ему.

Кроме этих наказаний, были в ходу разрезание или вырывание ноздрей, битье батогами и сечение кнутом по обнаженной спине.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ МАЛОРОССИИ. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Ф. Солнцев
Кресло царя Алексея Михайловича

После усмирения мятежа Остранина и Гуни казацкая сила была, по-видимому, вконец сокрушена, но это только казалось.

Посполитая Речь оставалась по-прежнему тем же исключительно «панским» государством с бессильным королем во главе, с порабощенным и угнетенным народом внизу, необузданной шляхтой и всесильными магнатами, настоящими государями-самодержцами в своих владениях. Подавленный панством простой народ, особенно православный, был главным источником казачества. Чем тяже-

лее становился гнет, чем горше были для православного люда насилия панов да арендаторов и поругание не только человеческого достоинства, но и самого заветного достояния – веры, тем сильнее росла вражда и злоба у крестьян к своим работодателям и ко всему строю Польского государства, тем больше побуждений уходило из горькой панской неволи на вольное казацкое житье.

Владислав IV, король доброжелательный и очень склонный к военной славе, несмотря на все свои попытки, не мог